

И
ЧТЕЦ,
И ЖНЕЦ,
И НА ДУДЕ
ИГРЕЦ

Диалог
неформат

Павел Евгеньевич Любимцев – такое ощущение, что он был, просто жил в телевизоре всегда. Вот когда появи-

лись первые телевизоры, так и он там сразу оказался. Спросите у друзей, сверьте свои ощущения, и получите вместо ответа вопрос: «А разве это не так?» Нет, не совсем так... Артист филармонии, чтец, коих сейчас практически нет, педагог и актер, вдруг, ничего не планируя, никого не предупреждая, сделал головокружительную карьеру на ТВ, от чего, кстати, голова у него совсем не закружилась. Не занял чужое место, а нашел свое, мало того, привнес в телецарство «пластмассовых», неискренних, часто фальшивых телегероев свою теплую, правдивую, естественную и понятную каждому человеческую интонацию. Сыграл на поле образовательном, превратив его в мягкую, ироничную и очень важную для телезрителя историю. Попал в десятку. Как? Откуда? Кто такой? Почему «Тэффи»? Да еще и две? Не углядели, прозевали. Где был? Ответ прост: был всегда. Много работал, много читал, учился и учил. И в тот момент, когда оказался нужен, в необычном для себя качестве спокойно доказал, что сложных и невыполнимых задач для думающих и талантливых не бывает. На вступительных экзаменах в Щукинское училище после моего прослушивания сказал: «Все у вас не то, и в вас не совсем то. Поезжайте в провинцию, может быть, даже устройтесь на завод. Посмотрите на других людей, почувствуйте жизнь». Сказал и ждал моей реакции. Это была педагогическая провокация в чистом виде, но как бы ни было обидно на тот момент, чистейшая для меня правда. Я был ужасен. Выбор был за мной: либо уезжать, либо взять штурмом эту крепость и благодаря педагогам изменяться у них на глазах. Времени мне было жалко, и я выбрал второе. Поступил с большим трудом и доказал. А на третьем курсе, когда на окраине Москвы я лежал и, в прямом смысле этого слова, умирал, единственный человек, кто приехал меня проведать, был Павел Евгеньевич Любимцев. В лихие, но голодные 90-е, фрукты и 20 долларов казались слитком золота. Я сказал, что не смогу отдать их в ближайшее время, на что получил ответ: «Когда сможете, тогда и отдадите». Жду его юбилея, хочу прилюдно на сцене отдать долг – 20 долларов. Теперь я могу. Благодарен за урок, за вложенный в меня труд и терпение, за веру, надежду, любовь. И за этот разговор через годы, который перед вами. Читайте, скучно не будет.

Благодарим «Балчуг Кемпински Москва» (ул. Балчуг, д. 1) за предоставленные для съемок апартаменты.

Когда на окраине Москвы я лежал и, в прямом смысле этого слова, умирал, единственный человек, кто приехал меня проведать, был Павел Евгеньевич Любимцев.

АВТОР:
АЛЕКСАНДР ОЛЕШКО
ФОТОГРАФ:
ДАНИИЛ ИВАНОВ

Павел Евгеньевич Любимцев – телеведущий, актер, режиссер, писатель, педагог, профессор? Давайте расставим по приоритетам.

Мне бы хотелось сказать, что, прежде всего, человек достаточно единый. Я – есть Я во всех сферах, которыми я занимаюсь. А сфер таких действительно много. Я всегда говорю, что профессия моя изначально чтецкая, артистическая, исполнительская. Не актер драматического театра, а артист-рассказчик.

А в дипломе у вас так и написано?

Написано: «Актер театра, кино и эстрады (художественное чтение)». К чтецкому делу у меня всегда было более всего способностей. Когда я учился в Щукинском училище, для меня проблема перевоплощения стояла достаточно остро. Я не умел забыть, что Я – есть Я. Мне трудно было непосредственно, спонтанно, органично существовать в предлагаемых обстоятельствах. И как я теперь понимаю, чтецкая профессия как раз хороша тем (для меня, конечно), что она этого-то и не требует. Чтец знает историю, которую он рассказывает от начала и до конца. И если говорить об органике, чтец – это собеседник, – не некое существо, которое загадочно возникает на сцене, а именно рассказчик. Мне это ближе всего оказалось. Я понимаю, что мои успехи на телевидении связаны с умением интересно рассказывать, т. е. с чтецкой профессией.

Когда вы ведете передачу, вы текст читаете или это импровизация на тему?

Нет, не учу, а разве это не видно? У меня там в основном импровизация. На определенном «фундаменте».

Я почему спросил: вы настолько в материале, причем в самых разных областях, что кажется, что вам вообще сценарий не нужен. Хотя, зная вас, понимаю, что вы абсолютно честно погружаетесь во всю эту историю. Вы ее изучаете, потом транслируете и фиксируете на пленке.

Понимаете, Сашенька, не совсем это так.

Или у вас есть автор сценария?

С животными было так, когда я вел «Путешествия натуралиста». Этой передаче я многим обязан, но и она, думаю, многим обязана мне. Там я был и швец, и жнец и на дуде игрец. Возил с собой чемоданы книг – это всем известно. Сам готовил закадровые тексты, сам готовился по книжкам к съемкам, носил с собой книги на съемки, потому что я не все помнил. Но про животных я довольно много знаю. И там действительно было то, о чем вы говорите, – погружение в материал. И потом я это рассказывал своими словами. Что касается «Городского путешествия», то здесь ситуация совсем иная: мне готовят материал, пишется сценарий. Но, надо сказать, что редакторы мои – Маша Кочетова и Таня Потемкина – знают меня довольно хорошо, и потому не пишут сценарий от и до, понимая, что я никогда так говорить не буду. Я буду говорить своими словами. Но они разбаловались, надо сказать, и в последнее время приносят мне сценарий прямо на съемку, то есть я его читаю непосредственно перед тем, как приступить к работе. Конечно, какая-то погруженность в материал есть: что-то я знаю, предварительно готовлюсь. Но сценарий я читаю здесь, сейчас, и помогает мне хорошая память, что тоже

С животными было так, когда я вел «Путешествия натуралиста». Этой передаче я многим обязан, но и она, думаю, многим обязана мне. Там я был и швец, и жнец и на дуде игрец.

немаловажно. И если строго к себе относиться, то это и есть, собственно, мой самый главный талант – хорошая память.

А вы как-то тренировали ее?

Нет. Она, слава Богу, хорошая. У моей мамы память была хорошая, у моего деда (отца мамы). Он был, видимо, очень талантливый, яркий человек. Мне хочется надеяться, что я от него что-то унаследовал. Нет, я не могу сказать, что я память как-то специально тренировал. Бывают ведь случаи разительные. В Ленинграде был такой уникальный человек Алексей Александрович Рессер. Он был педагогом ЛГИТМиК, преподавал телевизионную режиссуру. Но изначально он был актером.

Так вот, он воевал и был контужен, потерял память. Потом, после контузии, память восстановилась, но ему посоветовали для ее тренировки заучивать наизусть большие тексты. В результате он натренировал свою память до такой степени, что знал наизусть всего Достоевского, всего Пушкина. Его хобби было градоведение: Ленинград – Петербург. Он говорил, что на одну экскурсию ему нужно не менее восьми часов, потому что за меньшее время он просто ничего рассказать не успеет. Это производило невероятное впечатление. Когда проходил яхонтовский конкурс, и Алексей Александрович был жив еще, то победителей конкурса премировали экскурсией с Рессером. Он рассказывал про каждый дом, про каждый камень. Он цитировал наизусть, знал несколько языков. Вот это пример для меня поразительный. Потому что началось все с потери памяти в результате контузии на войне.

Если бы он был жив, когда я выиграл конкурс Яхонтова, то я бы был премирован такой экскурсией...

А вы на конкурсе Яхонтова успели быть премированным? (с удивлением)

Я был на самом последнем конкурсе.

И вы получили там?..

Первую премию.

Вы читали Чехова?

Нет, Салтыкова-Щедрина. Это был редкий случай, когда вдруг первую премию решили дать не своим. И подавалось все это как какое-то исключение.

Да, они относились к этому очень ревностно. Они в основном давали своим и Школе-студии МХАТ. Я против «корпоративности» боролся на конкурсе Смоленского. В последние годы я не участвую в работе жюри, но мне всегда хочется, чтобы не было никакой «корпоративности». Хочется, чтобы хорошая работа, вне зависимости от того, чья она, получила первую премию.

Так вот, изначально я вроде бы чтец. Это моя основная профессия, хотя педагогическая специальность, конечно, тоже витала надо мной, Сашенька, всегда. Потому что когда я заканчивал десятый класс, я жил в таком ощущении, что если не поступлю в театральный институт с первого раза, то больше поступать туда не буду – ибо значит, у меня нет способностей.

У меня не было такого, что я буду поступать хоть десять лет, но буду, буду, буду, буду и буду. У меня этого не было. И когда возник вопрос, а куда же я пойду, если не поступлю в театральный? Я думал, что, вероятнее всего, пойду в педагогический институт на филфак и буду учителем литературы в школе. И потому, когда я начал преподавать в Щукинском училище, в каком-то смысле соединилось нечто, что было в отрочестве, с тем, что сложилось в реальности. Телевидение я не считаю своей основной работой, потому что оно использует те мои качества, которые уже есть: некоторую дидактичность или назидательность, которая свойственна педагогической работе, и чтецкую работу, конечно.

Благодаря этой назидательности информация, которую вы доносите с экрана людям, достаточно легко усваивается.

Мне очень приятно это слышать. Хочется верить, что это так. Но вообще я иногда сталкиваюсь с тем, что меня слушают с удовольствием, но очень вслушиваясь в то, что я говорю. Но есть же известное правило: большой процент – как он говорит, и очень небольшой – что он говорит. Облик и манера разговора значат больше, чем информация.

Если брать телевидение, то после легендарных советских знаковых телевизионных ведущих был какой-то провал личностный на экране. И появились люди-проекты, которые не имеют отношения к тому, о чем они говорят. Они придуманные: их навязали зрителям, их одели, их причесали, им сказали – и они встали в кадр. Но это не они. Часто, пародируя таких людей в «Большой разнице», я говорю: «Я не пародист. Это некий дружеский шарж». Я преподношу им же самих себя на блюдечке, чтобы они увидели, что они гораздо интереснее того, что они делают на экране...

Я вас перебую. В отношении «Большой разницы» хочу сделать вам комплимент. Мне это очень понравилось. Понравилось, прежде всего, потому, что это настоящая актерская работа, отнюдь не халтура. Это очень серьезные трудозатраты, включение себя. И в результате на ваши пародии, т. е. всей вашей команды, гораздо интереснее смотреть, чем на тех, кого вы, собственно, пародируете. Потому что здесь есть момент искусства, есть отбор, стремление попасть в точку.

Павел Евгеньевич, у меня учителя были прекрасные, и вы в их числе. И еще со студенческих лет я хорошо помню фразу: «Не люби себя в искусстве – а люби искусство в себе». Ну и потом, я к такому вроде бы несерьезному делу отношусь очень даже серьезно. Так вот, продолжая свой вопрос: тот телевизионный образ, который вы создали, не стремясь, собственно, его создать, является продолжением той череды телевизионных фигур, личностей, которые ассоциировались с конкретной программой. Сенкевич – это путешествия, Дроздов – это животные.

Да, я эту линию могу продолжить: до Сенкевича был Шнейдеров, которого вы, наверное, не застали.

Я видел на канале «Ностальгия».

Понимаете, мне кажется, что на телевидении нужно что-то собой представлять. Человек должен быть собой. У него, конечно, что-то должно быть и в голове, и в душе. Ведь в свое время Ахматова говорила: «Как скрывает человека сцена, так его беспощадно обнажает эстрада. Эстрада – это что-то вроде плахи». Но Анна Андреевна это говорила тогда, когда поэты выходили на эстраду читать стихи. Телевидение еще в большей мере обнажает человека. Сенкевич, Дроздов, Рязанов –

я вспоминаю и их предшественников – у Сенкевича Шнейдеров, у Дроздова Згуриды. Вы видели когда-нибудь, как он вел передачу «В мире животных»? Он был настоящий, замечательный кинорежиссер научно-популярного кино, делал потрясающие фильмы о животных. Это высокого класса были фильмы и художественные, и научно-популярные. И он был первым ведущим передачи «В мире животных». Если говорить о «Кинопанораме», то до Рязанова был Каплер. Это чудо! Обаяние, знание, интеллект и содержательность – в них во всех содержательность. А для меня идеал телевизионного ведущего – это Андронников. В нем есть та доля дилетантизма, которой тоже надо учиться.

Он в первую очередь был актер.

Он был в первую очередь – непонятно что. Он вообще окончил литературный институт. Прежде всего он был Андроников, потому что он всему принадлежал отчасти. О нем однажды сказал Шварц: «Иракий выиграл на том, что он ничему не принадлежал безраздельно». Он был отчасти артист, отчасти пародист, отчасти филолог, отчасти писатель, отчасти музыковед – все отчасти. И он говорил очень доступно о сложных вещах, что, конечно, на телевидении нужно.

А меня вот как раз в этом и обвиняют, что я не выбрал для себя какую-то одну цель и не бью в десятку: только театр или только кино, или только телевидение. Но так сложилась моя жизнь. И главное, не один из видов искусства и тех видов деятельности, где я себя хорошо чувствую, я по большому счету не предаю. Я не халтуру нигде.

Мне кажется, что упрекать вас в этом не следует. Вы действительно ищете и находите себя именно в этом многообразии. Мне трудно представить, что вы работаете только в театре. Я понимаю, что и вам этого сразу же было мало. В вас такая энергия, такая активность, которая предполагает некоторое нетерпение. Я внимательно следил за вами на экране. Мне нравилось, как вы вели передачу «Большие», как свободно себя чувствовали в таких серьезных разговорах. Мне нравится, как вы ведете детскую передачу, потому что в этом есть высокий профессионализм. Я в училище всегда замечал, что ваша основная проблема была во включении в роль. Вспомните, как мы с вами работали над «Подростком». Я до сих пор это помню, очень долго не получалось. Да, вы хорошо играли, но играли, а мне бы хотелось, чтобы вы не играли, а как-то включились.

Но один раз получилось.

Да, совершенно верно. Но в этом и есть сложность. Понимаете, для того чтобы найти себя, надо думать о том, что есть ТЫ. Мне, например, понадобилось определенное время, чтобы осознать, что драматический театр – это атмосфера, в которой я недостаточно свободен. Я старался учиться органике, и за двадцать лет, наверное, чему-то научился. Но это не та ситуация, когда человек на сцене, как животное, совершенно свободен, абсолютно непосредствен – мне всегда

Я ИНОГДА
СТАЛКИВАЮСЬ
С ТЕМ, ЧТО МЕНЯ
СЛУШАЮТ С
УДОВОЛЬСТВИЕМ,
НЕ ОЧЕНЬ
ВСЛУШИВАЯСЬ В ТО,
ЧТО Я ГОВОРЮ.
ОБЛИК И МАНЕРА
РАЗГОВОРА ЗНАЧАТ
БОЛЬШЕ, ЧЕМ
ИНФОРМАЦИЯ.

это было трудно. Надо постоянно думать о себе: что есть ТЫ? Потому что способности наши универсальными не бывают, они бывают в чем-то большими, в чем-то меньшими. И смысл профессии артистической заключается в том, чтобы свои достоинства развить, а недостатки преодолеть. Нет абсолютно способных людей. Даже самые большие таланты не ко всему талантливы одинаково. Значит, надо себя знать как материал актерский и человеческий. На это много времени нужно. Это в течение четырех лет училища понять трудно. Но, следя за вами, я понимаю, что вы движетесь в правильном направлении. Это отнюдь без комплиментов.

Спасибо большое, Павел Евгеньевич. Сейчас многие – прости за слово, но оно очень точное – косят под вас на экране. Вы видели своих клонов?

Я? Как вам сказать, я немножко с настороженностью к этому отношусь. Я чувствую в этом излишнее самомнение, но у меня бывает такое ощущение. Клоны? Не знаю... Пародии на себя не видел ни разу. Как-то мне не случилась видеть... Да, пародий было много, и мне о них говорили друзья. А клоны... Кого вы имеете в виду?

Появляются время от времени какие-то передачи, путешественники... Но это все не они и не вы – посередине где-то. Но они хотят это все у вас перенять.

Мне иногда кажется, что есть такое. Хотя очень нескромно говорить, что я открыл некую традицию на телевидении. Это произошло случайно, невольно. Если оно и есть, то это интересно анализировать, но трудно доказать. Вы же понимаете, что я этот образ специально не создавал.

А, кстати говоря, когда к вам пришла популярность, когда буквально на каждом столбе, билборде изображен Любимцев, как вы на это реагируете? Вам это странно, удивительно, или вы даже не понимаете, что это Вы?

Удивительно, мне это до сих пор удивительно. Это очень странно. Вообще жизнь очень быстро движется, и когда говорят, что первую половину жизни ты работаешь на свое имя, а вторую половину имя работает на тебя – это правда. Мне удивительно, что я имею огромное количество приписок перед фамилией: заслуженный деятель искусств, заслуженный артист, профессор, двукратный лауреат «Тэффи», лауреат курсов чтецов, заведующий кафедрой актерского мастерства... Мне это очень странно, потому что в основе характера лежит то, что складывается в человеке годам к 14-15. По сути люди меняются мало: что в 14-15 есть, то уже и будет. Потому в училище, слыша, как педагог защищает своего студента, говоря, что он еще маленький, я к этому не могу относиться серьезно, потому что я и в 12 лет был достаточно работоспособным и организованным. А если человек в 17 или 18 лет неорганизованный, где гарантия, что через два года он что-то поймет и организуется? Хотя такого рода случаи бывали. Вот с Нонной Гришаевой получилось интересно. Мы с ней как-то ехали в санаторий, где отдыхали ее мама и дочка, а у меня там был концерт. Они были у меня на концерте, и после мы разговаривали. И я сказал, что люди не меняются. А Нонна возразила: «Знаете, Павел Евгеньевич, я ведь очень изменилась. Могу сказать о себе. Когда я в первый раз училась – Нонна же училась дважды – я была разгильдяйкой. У меня были бесконечные романы. Я ничем не занималась. И не училась и опаздывала. Потом заболела. В силу этого взяла академический отпуск. Потом вернулась на курс Иванова и взялась за ум. В итоге закончила училище с красным дипломом».

Наверное, бывает и такое. Но редко. Меня иногда спрашивают: «Вас не смущает, когда вас узнают на улице?» Нет, абсолютно не смущает. Я ведь не эстрадный певец, на меня не кидаются какие-то малограмотные подростки с дикими криками. Более того, мне очень даже лестно, когда мне говорят приятные вещи совсем простые люди. У меня тут был фантастический случай. Я часто ловлю машины, так как опаздываю, а своей у меня нет. Ловлю машину, поскольку, слава Богу, могу себе это позволить. И вот везет меня какой-то азиатский водитель, то ли узбек, то ли таджик...

Вам не страшно ловить частных?

Нет, что вы, никогда. Он меня узнает, мы с ним беседуем. И вдруг он говорит: «Я ваши передачи своему сыну показывал, мол, смотри, как человек говорит: «Люблю по моде одеваться и в обществе приятным быть, люблю любезным я казаться...» Я онемел. Потому что он процитировал Василия Львовича Пушкина – дядю Александра Сергеевича Пушкина. Который, как вы знаете, тоже был литератор. Мы снимали передачу на Басманной улице, там его домик, который когда-нибудь, Бог даст, откроется как музей. И я цитировал стихотворение Василия Львовича «Люблю и не люблю». И он вспомнил эти строчки, хотя я понимаю, что он человек не слишком грамотный. Да еще с акцентом, понимаете? Вот это мне было очень приятно. Но это бывает не так часто. Обычно говорят: «Вы так хорошо, ненавязчиво рассказываете». А про что – это тайна, покрытая мраком.

Сколько вы стран посетили?

Около пятидесяти. За десять лет.

Ужас!

Отчего же ужас? Вот вы сейчас едете в Лондон, я тоже был там как турист, а вот передачу в Лондоне мне снять так и не удалось: ни про лондонский зоопарк, ни про достопримечательности. Я безумно хотел бы снять в Англии передачу о Шекспире, и попытаться заступиться за бедного актера Уилла Шекспира, которого подозревают в том, что не он написал все эти пьесы. Конечно он! Но он писал их как «елки»: нахватывал все, что знал. И поскольку он был гением невероятным, то получилось, что получилось.

Каждый год перед Щукинским училищем выстраивается безумная очередь из желающих связать свою жизнь с театром, кино. Практически не меняется число претендентов на одно место...

Да, почти не меняется: 30-40 человек на место.

А чем отличаются студенты XXI века, например, от нас, которые заканчивали в конце XX века? Изменились ли они или нет?

Санечка, мне этот вопрос задают довольно часто. Я стараюсь на него отвечать так: по сути, не изменились. Любое молодое поколение состоит из разных людей. Есть люди, допустим, вашего исключительного трудолюбия. Это очень дорого, это очень подкупает. А есть люди ленивые. Из таких ничего не выйдет, даже если они очень одаренные. Это закон – чудес не бывает. Да, люди разные, и, насколько я знаю, в актеры идет не самая худшая часть поколения. Это люди, которые имеют духовные, душевные запросы. Константин Аркадьевич Райкин отвечает на вопрос: «Зачем существует театр?» – «Затем, чтобы стать лучше». Сергей Васильевич Женовач, который параллельно со мной в этом году набирал курсы, – надо сказать, что конкуренция в этом году была у меня тяжелая – он тоже говорит о том, что идут не ради славы, не ради денег, не

ради самореализации, а ради того, что это хорошее дело, которому хорошо себя отдать. Такая вот высокая позиция. Это, безусловно, присутствует. Люди, которые идут за славой и за деньгами, – это, конечно, не очень умно. Денег артисты никогда много не зарабатывали, а слава дается очень трудно, и рассчитывать на это нельзя. Вот у меня не было честолюбия, я не хотел, чтобы на всех заборах была написана моя фамилия. Клянусь вам, Саша, что я не вру. У меня было честолюбие – хорошо делать свое дело. Если говорить о том, чем сейчас отличаются нынешние студенты, я думаю, что они читали меньше, хотя тут тоже по-разному. Кто-то читал, а кто-то не читал, но это, Саша, дело наживное. То есть если человек хочет прочесть, он прочтет. Если человек захочет восполнить пробелы в своем образовании, он восполнит. То же самое было с Михаилом Александровичем Ульяновым, который стал одним из интеллектуальных артистов, блистательным оратором, приехав из города Тара. И я понимаю, что он был юношей наивным и довольно темным, хотя я ничего плохого не хочу сказать о его школьных учителях, но это все-таки глубокая провинция...

Вы когда-нибудь наверняка начнете писать свою собственную книгу?

Да.

С какой фразы она будет начинаться? Или как называться?

Название я придумал: «У меня еще есть адреса». И эту идею мне подарил мой друг юности Сергей Владимирович Урсуляк, знаменитый кинорежиссер. Я ему показывал рукопись книги о замечательном театральном актере Викторе Гвоздицком. И он мне сказал: «Ты должен написать свою книгу воспоминаний». А потом позвонил мне и посоветовал: «У меня есть мысль, вот ты делаешь городские путешествия. Так сделай путешествие по жизни, т. е. через адреса вспоминать людей, коллективы, с которыми свела жизнь». И мне пришло в голову «У меня еще есть адреса» – это из стихотворения Мандельштама «Ленинград»:

Петербург! Я еще не хочу умирать!

У меня телефонов твоих номера.

Петербург! У меня еще есть адреса,

По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок

Ударяет мне вырванный с мясом звонок.

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,

Шевеля кандалами цепочек дверных.

И я решил именно по адресам пройти по жизни: вспомнить людей, места. Я не знаю, что из этого получится. Если говорить о том, с чего начать книгу... Первую фразу еще не придумал, но «Гвоздицкий» практически дописан. Книга начнется с разговора, точнее с оправдания, что я глубоко не убежден, что мои воспоминания могут оказаться интересны, и что я с удивлением воспринимаю сложившуюся в моей жизни ситуацию. Думаю, что начну с этого.

Продолжите, пожалуйста, из 7-8 слов: «Я люблю...»

Я люблю работать, люблю моих друзей, люблю моих студентов, люблю моих близких, люблю животных...

Кстати, они у вас есть?

Нет. Но все равно люблю. Еще я люблю поесть, люблю театр. Я люблю читать книги, но в последнее время читаю гораздо меньше, чем раньше.

Так, а что «не люблю...»?

Не люблю современное телевидение, не люблю безграмотных, наглых дилетантов в театре. Я не люблю неблагодарность, не люблю потребительское отношение к жизни, чрезмерный прагматизм, хотя и меня можно считать человеком в чем-то прагматичным. Я не люблю людей без душевных интересов.

У меня есть вопрос, которым я заканчиваю все свои беседы. Продолжите фразу «Моя жизнь – это...»

Если задавать себе этот вопрос всего один раз за жизнь, то я бы сказал: «Моя жизнь – это череда закономерностей». Потому что в моей жизни, как я сейчас понимаю, все случайности были не случайны. Моя жизнь поражает меня тем, как соединяется нечто одно с чем-то другим; нечто, случившееся недавно, с тем, что случилось очень давно; нечто абсолютно случайное с тем, что где-то в подсознании существовало. **☪**